

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК: 57:572.5

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-6-53>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМАТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ БИМЕДИЦИНЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. А. Кожуховская

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

e-mail: VolkovaT-soc@mail.ru

Аннотация. Достижения биологической науки, клинической медицины, фармакологии, психологии и всех иных научных направлений, задействованных в сфере диагностики и лечения человека, всё более интенсивно внедряются в практику. **Актуальность** работы заключается в том, что сегодня в сфере современной медицинской практики наряду с исторически сложившимся социальным институтом лечебной медицины всё более активно проявляет себя феномен биомедицины. Новейшие биомедицинские технологии воздействуют на глубинные уровни человеческого организма и обладают опосредованным биологическим эффектом. Достижения современной биомедицины способствовали улучшению качества жизни человека, таким образом, стало возможным лечение многих заболеваний, которое не было недоступно ранее. Следует отметить, что за определенным рядом перспектив скрываются определенные риски и угрозы, например, изменение и конструирование генома человека представляет собой трансформацию глубинных процессов человеческого организма. При отсутствии должной регуляции допустимости биомедицинских воздействий на организм человека подобные вмешательства могут угрожать дальнейшему существованию человеческого рода в его естественно сложившемся облике, что особенно наглядно проявляется в проекте трансгуманизма. В этой связи **цель** данного исследования заключается в качественном обновлении тех антропологических подходов, с которыми связано воздействие медицинских технологий на человека. Как представляется, преодолеть возникающие при этом теоретические и практические сложности возможно при использовании нового теоретико-познавательного **подхода, метод** которого заключается в философском истолковании медицины как практически действенной антропологии. **Основные результаты:** реализация данного подхода позволяет утверждать, что в качестве ведущего антропологического норматива современной медицины следует избрать фактор морфологической неизменности человека. **Научная новизна** работы заключается в выработке нормативно-ценностных регулятивов современной биомедицины, основанных на целенаправленной ориентации на стабилизацию эволюционно сложившегося образа человека на фоне неуклонного наращивания технического компонента культуры, включая сферу медицины, которые способны предотвратить те угрозы и риски, которыми может сопровождаться этот процесс.

Ключевые слова: биомедицина, медицина, человек, природа человека, постчеловек, трансгуманизм, биэтика, целостность, морфология, антропологическая граница, антропологические нормативы, морфологическая неизменность человека.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, доктору философских наук, профессору кафедры философии Челябинского государственного университета Рыбину В. А.

Для цитирования: Кожуховская А. А. Антропологические нормативы современной биомедицины: теоретико-методологические аспекты // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 6. – С. 53–61, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-6-53>.

ANTHROPOLOGICAL STANDARDS OF MODERN BIOMEDICINE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

A. A. Kozhukhovskaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

e-mail: VolkovaT-soc@mail.ru

Abstract. The achievements of biological science, clinical medicine, pharmacology, psychology and all other

scientific areas involved in the field of human diagnostics and treatment are increasingly being introduced into practice. **The relevance** of the work lies in the fact that today in the field of modern medical practice, along with the historically established social institution of medical medicine, the phenomenon of biomedicine is increasingly manifesting itself. The latest biomedical technologies affect the deep levels of the human body and have an indirect biological effect. The achievements of modern biomedicine have contributed to the improvement of the quality of human life, thus, it has become possible to treat many diseases that were not available before. It should be noted that certain risks and threats are hidden behind a certain number of prospects, for example, changing and constructing the human genome is a transformation of the deep processes of the human body. In the absence of proper regulation of the permissibility of biomedical effects on the human body, such interventions can threaten the further existence of the human race in its natural form, which is especially evident in the project of transhumanism. In this regard, **the purpose** of this study is to qualitatively update those anthropological approaches that are associated with the impact of medical technologies on humans. It seems that it is possible to overcome the theoretical and practical difficulties that arise in this case using a new epistemological **approach, the method** of which is the philosophical interpretation of medicine as a practically effective anthropology. **Main results:** the implementation of this approach allows us to state that the factor of human morphological immutability should be chosen as the leading anthropological standard of modern medicine. **The scientific novelty** of the work lies in the development of normative-value regulators of modern biomedicine, based on a purposeful orientation towards stabilizing the evolutionary image of a person against the background of a steady increase in the technical component of culture, including the field of medicine, which are able to prevent those threats and risks that may accompany this process.

Key words: biomedicine, medicine, human, human nature, posthuman, transhumanism, bioethics, integrity, morphology, anthropological boundary, anthropological norms, morphological immutability of a human.

Acknowledgments: the author expresses his gratitude to the supervisor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Chelyabinsk State University, Rybin V. A.

Cite as: Kozhukhovskaya, A. A. (2022) [Anthropological standards of modern biomedicine: theoretical and methodological aspects]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 53–61, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-6-53>.

Введение

Общеизвестно, что темпы исторического развития человеческого общества постоянно ускоряются, убедительным доказательством чему являются события XX века, особенно второй его половины. Первые десятилетия XXI века не только подтверждают эту тенденцию, но и вносят в нее новые качественные акценты. С одной стороны, новейшие достижения науки в сфере теории и практики стремительно изменяют сложившуюся картину мира, трансформируя социокультурную реальность не за десятилетия, как это было прежде, а буквально за годы. С другой стороны, нарастающему воздействию подвергается уже не только внешняя природа (проявлением чего выступал и продолжает выступать экологический кризис), но и внутренняя природа в образе самого человека (что особенно наглядно выражается в медицинской сфере). Здесь наряду с «классическими» вариантами диагностики и лечения, реализуемыми в привычных рамках непосредственно воспринимаемого опыта, все чаще находят применение биомедицинские технологии, обладающие опосредованным, скрытым и пролонгированным эффектом воздействия не только на организм отдельного человека, но и на всю человеческую популяцию, как это происходит, например, в «геномной медицине» и «синтетической биологии» [16]. Возникает возможность не только восстанавливать утраченные

в результате заболевания естественные качества человеческого организма, но изменять их и даже создавать новые. Таким образом, в культуре наших дней, наряду со сложившейся системой медицины формируется и начинает активно функционировать новый социальный институт – биомедицина, предполагающая воздействие на биологическую природу человека уже за рамками тех антропологических стандартов, которые до сих пор рассматривались как данные от природы и, безусловно, присущие человеку.

Феномен биомедицины и её проблемы

Между тем, помимо несомненных положительных эффектов и перспектив, подобная практика несет с собой угрозы и риски. В частности еще в первое десятилетие XXI века специалисты по медицинскому праву с тревогой заговорили о так называемых «соматических правах человека», к которым «можно отнести право на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотиков или психотропных средств, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, и (в уже зримой перспективе) на клонирование, а затем – и на виртуальное моделирование, в смысле полноправного утверждения (дублирования) себя в нематериальной форме объективного существования» [6, с. 43]. В течение XX в. возникло молекулярное видение

жизни и сегодня именно на молекулярном уровне понимается жизнь и осуществляется воздействие на нее [18, с. 12]. Американские авторы вводят понятие этополитика (ethopolitics), которое определяют как: «техники, посредством которых люди судят о себе и воздействуют на себя с тем, чтобы стать лучше» [17]. Очередным подтверждением того, что реальность трансформируется именно в обозначенном направлении, является недавнее заявление ВОЗ о намерении признать «третий пол», поскольку, как утверждает, «пол человека не ограничивается только мужским или женским («Российская газета» от 13 июля 2022 г.)¹.

Крайним вариантом тенденций по преобразованию человека средствами биомедицины выступает трансгуманизм – мировоззренческая концепция и социальный проект, нацеленный на биотехнологическую трансформацию сложившихся в ходе естественной эволюции морфологических и внутриорганизменных характеристик человека, а тем самым – на преодоление тех представлений о назначении, внутренней сущности и внешнем его образе, которые сегодня воспринимаются в качестве естественных, обычных, соответствующих норме [11, с. 77]. Апологеты трансгуманизма открыто обсуждают «появление на горизонте могучего племени киборгов, *всечеловеков*, соединяющих интеллект с несокрушимым здоровьем, заменяемостью всех органов и практическим бессмертием»², заявляют «о человеке, переступающем свои видовые границы, о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума, потенциально превосходящих биологический вид *homo sapiens*»³.

Это означает, что современная биомедицина подводит всю культуру к «антропологической границе», которая, по утверждению автора этого термина, отечественного мыслителя С. С. Хоружего, включает в себе то, что обозначается как человек и является им на самом деле и одновременно очерчивает ту границу, за которой нарушившее ее существо остается живым, но уже не является человеком⁴. Но и это еще не финал, биомедицина позволяет продвинуться дальше: «Особо следует упомянуть изменения, идущие или назревающие, подготавливаемые на уровне биологических оснований человека – внедрение новых способов биорепродукции, манипулирование генетическим материалом, клонирование и проч. – ибо здесь мас-

штаб изменений потенциально неограничен, до исчезновения Человека как вида включительно» [13, с. 675–676].

Антропологические нормативы как общемедицинская проблема

Как ответ на подобные перспективы актуализируется потребность выработать нормативы, способные не только остановить реализацию этих разрушительных или по меньшей мере сомнительных проектов, но и придать всему комплексу направленных на человека биомедицинских воздействий осознанный и регулируемый, то есть нормируемый характер. В этой связи требуется ответить на две группы вопросов, актуальных по отношению к человеку и как индивиду, и как представителю рода, человечества. Во-первых, в чем выражается конкретный критерий, позволяющий отделять лечебные приемы от деструктивных и или сомнительных манипуляций, например, от таких, которые связаны с реализацией «соматических прав человека» или выражают намерения сторонников трансгуманизма? Во-вторых, каким образом следует вообще выстраивать линию биомедицинского воздействия, чтобы в дальнейшем сохранять «антропологическую границу», то есть поддерживать устойчивость неких сугубо человеческих параметров в процессе последующего развития сложившейся культуры, техническая (а следовательно, и биотехнологическая, и биомедицинская) составляющая которой будет не снижаться, а наоборот, неуклонно возрастать?

До сих пор регулятором подобных воздействий в медицине выступали воплощенные в клятве Гиппократовы нормативы медицинской этики, соответствовавшие тем очевидным и ясным представлениям о человеке, о его норме и отклонениях от нее, каковые преобладали в культуре того или иного исторического периода [10, с. 419–421]. Однако в новейшей биомедицине, где связь между воздействием и результатом стала опосредованной и далеко не столь очевидной, антропологические стандарты сдвинулись, а нормативы «поплыли», то есть утратили прежнюю определенность и потребовали новых форм выражения. Как следствие, вместо классической этики Гиппократовы, однозначно ориентировавшей медицинские манипуляции на лечение, пришли принципы биоэтики, где доминируют юридически оформленные отношения врача и пациента (прежде всего доктрина «инфор-

¹ ВОЗ признала третий пол. – URL: https://rg.ru/2022/07/13/voz-priznala-tretij-pol.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 15.07.2022).

² Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 48.

³ Там же. С. 51.

⁴ См.: Хоружий С. С. Заметки к энергийной антропологии. «Духовная практика» и «отвержение чувств»: два концепта в сравнительной перспективе // Вопросы философии. 1999. – № 3. – С. 55–84.

мированного согласия»⁵. Но возникает вопрос: обладает ли биоэтика нормативным потенциалом, достаточным для продуктивной регуляции биомедицинских технологий?

Биоэтика и биомедицина

Биоэтика в ее нынешнем виде претендует на всеохватное этико-юридическое регулирование всех связанных с биомедициной сфер, включая организацию здравоохранения. Тем не менее, как показывает опыт, претензии этого рода являются не вполне обоснованными, о чем свидетельствует как фиксируемая многими авторами бесплодность проводящихся в рамках биоэтики многолетних дискуссий по поводу эвтаназии, абортов, трансплантации, генетического манипулирования и иных биомедицинских проблем [7, с. 508], так и признания самих авторитетных представителей этой дисциплины, которые подчеркивают, что, будучи зависимыми от мнения ученых (биологов или медиков), «многие специалисты по биоэтике превратились в изощренных (не всегда логичных) оправдывателей всего, что хочет научное сообщество. <...> В любой дискуссии по клонированию человека, исследованию стволовых клеток и генной инженерии именно профессиональный специалист по биоэтике придерживается обычно самых разрешительных взглядов» [12, с. 288].

Причина подобного положения заключается в том, что биоэтика опирается на концепт философии науки, то есть руководствуется ценностями внутринаучного плана, ориентированными на поиск истины и достоверность знания, тогда как на практике ей приходится решать более обширные проблемы общекультурного и антропологического порядка, связанные в конечном счете с определением «антропологической границы». Возникает несоответствие, вследствие которой та специфицирующая человека целостность природно-органических, социально-личностных и духовно-душевных составляющих его естества [1, с. 89] (сохранению которой собственно и служит «антропологическая граница») утрачивается, а организм и психика человека оказываются предметом редуцирующего воздействия бионауки, которая, по утверждению специалистов, исследующих данную проблематику, выступает как «капитуляция биологии и медицины перед физикой, химией и вычислительной математикой»⁶. Редуцирующие установки транслируются в мировоззрение и проникают в медицину, в ее теорию и практику, чем и объясняется тот факт, что в современной лечебной доктрине по мере наращивания ее теоре-

тического и практического потенциала начинает доминировать естественнонаучный, «физикалистский» подход. С одной стороны, он исключает ориентацию на целостность организма, а с другой – за некоторой границей превращает реализуемое биомедициной лечение в совокупность взаимно изолированных «селективных» практик, которые парадоксальным образом приводят не к положительным, ведущим к исцелению, а к разрушительным, деструктивным результатам. «На месте человека, пред нами, – пишет по этому поводу Хоружий, излагая видение ситуации с более высокой теоретической точки зрения, – в высшей степени пестрое собрание, все сочлены которого, несомненно, представляют собою нечто, «относящееся к человеку», но столь же несомненно, далеко не составляющее того полноценного и полноценного человека, каким было прежде существо; вместо одного целостного существа явился обширный набор частичных формаций» [13, с. 675].

Что касается тех разделов биомедицины, которые нацелены не столько на лечение, сколько на улучшение наличных человеческих качеств или на формирование новых, то здесь ситуация выглядит еще более парадоксальной, как это признает один из наиболее авторитетных сторонников институционализации биоэтики в России Б. Г. Юдин в статье с характерным названием «На пути к трансчеловеку». До самого последнего времени, подчеркивает он, целью человеческой активности оставалась внешняя природа, воздействуя на неё, человек воздействовал и на себя, но косвенным, опосредованным образом. Сегодня же предметом целенаправленного воздействия стал он сам. «Так вот, – продолжает Юдин, – есть одна существенная разница между тем, как мы воздействуем на окружающую природу и как воздействуем на свою собственную природу. В первом случае, при наших воздействиях на окружающую природу, у нас есть нечто вроде масштаба, точки отсчета, если угодно. Потому что мы ее изменяем, исходя из своих желаний, нужд, потребностей и интересов. Во втором же случае, когда мы воздействуем на человека, т. е. на самих себя, то мы теряем вот эту мерку» [15, с. 345]. Иными словами, речь идет о потребности в некоем нормативном критерии, который, создавая возможность интегративного видения человеческой целостности, был бы способен выполнять функцию практического регулятора, по который, как выясняется, отсутствует и в практической биомедицине, и в биоэтике, рефлектирующей по поводу биомедицинских проблем.

⁵ Семина Т. В. Эволюция социологии и биоэтики в медицине. М.: Проспект, 2022. – С. 93–94.

⁶ Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (Материалы круглого стола) // Человек. – 2015. – № 2. – С. 11.

Медицина и философия: концепт взаимодействия

В какой же области следует искать эти нормативы? В сфере философии? Но философия, особенно начиная с Нового времени, утратила целостное понимание человека, фиксируя его образ лишь как итоговый, конечный результат тех изменений, которые происходят в культуре по ходу ее спонтанного развития [3, с. 273–274]. И хотя философия еще сохраняет статус дисциплины, сводящей всё многообразие антропологически значимого опыта к общему основанию, в XX веке она сама разделилась на два автономных направления – позитивистское, связанное с осмыслением научно-технической сферы культуры, и философско-антропологическое, экзистенциальное, противостоящее позитивизму и связанное со сферой духовной культуры. Как результат, философия в ее нынешнем состоянии «не берет» человека с той степенью конкретности, которая определяется антропологическими запросами текущего момента и столь остро проявляется в биомедицине.

Однако подобная конкретизация выглядит реальной, если подойти к осмыслению проблемы с точки зрения медицины, истолкованной как *практически действенная антропология*. В отличие от чистого естествознания, например, от биологии или ветеринарии, медицина ориентирована исключительно на человека, причем двойным образом – как на *биологический организм* (в этом случае она совпадает с теорией и практикой воздействия на любое живое существо) и в то же время как на *организм человека* (в этом случае она регулируется нормативами медицинской этики и придерживается «антропологической границы»). Поэтому есть основания утверждать, что, начиная с момента своего возникновения, медицина выступает инструментом воспроизводства «антропной целостности, отличительные особенности которой характеризуют в наиболее чистом виде состояние здоровья» [4, с. 143]. Удерживая в своем составе образ этой «антропной целостности», медицина не позволяет медицинским технологиям ограничиваться частичным исправлением какой-то одной нарушенной функции организма человека и одновременно пресекает их превращение в уродующие, деструктивные манипуляции, подобные тем, что практиковали «компрачикосы» из романа Виктора Гюго «Человек, который смеется». С этой точки зрения «медицина – это институт антропологической стабилизации культуры по мерке того образа человека, каковой очевидным образом витает «как представление, как образ и цель» в сознании всех

людей данного исторического периода» [10, с. 413].

В историческом отношении классическая медицина и классическая философия возникают одновременно – в античной Греции, в момент «антропологического поворота» Сократа – Платона – Аристотеля⁷, но в дальнейшем их пути расходятся: философия с той поры выступает в форме чисто теоретической дисциплины, рефлектирующей на исторические сдвиги в культуре и на вытекающие отсюда фундаментальные изменения, включая изменения в положении человека в социуме и мире в целом, тогда как медицина сосредотачивается на тех конкретных методиках воздействия организма человека, которые являются доступными в ту или иную историческую эпоху. Начиная с Нового времени, медицина опирается на достижения естествознания, которые по мере его развития в нарастающей степени прилагаются к человеку.

Однако в целом ни философия, ни медицина не обладают монополией на формирование образа человека, поскольку этот процесс совершается по ходу исторического развития культуры независимо от каждой из них. Но философия при этом фиксирует антропологические эффекты с точки зрения рода, медицина – с точки зрения индивида. Сегодня же, когда эффекты совокупного развития культуры, науки и медицины становятся угрожающими, возникает настоятельная необходимость объединить оба эти – медицинский и философский – варианты антропологической рефлексии в составе некоей синтезирующей целостности более общего порядка, способной не только фиксировать складывающееся положение вещей, как это всегда было до сих пор, но и реально осуществлять регулирование некоторых, наиболее важных антропологических практик (таких, как биомедицина), вводя соответствующие им технологические приемы в рамки антропологически выверенных нормативов.

О критериях человеческого в человеке

Формирование синтетического знания такого рода не может быть одномоментным, оно предполагает создание теории, подобной «единой науке о человеке», предсказанной Марксом [8], то есть в принципе требует длительной систематической разработки. Но проблема заключается в том, что качественное нарастание темпов протекания всех процессов в культуре, то есть резкое ускорение исторического времени по отношению к предшествующим эпохам исключает эту возможность: «Биотехнологии будущего направлены на использование молниеносного пути трансформации индивида, имеют дело с другим отношением ко времени.

⁷ См.: Йегер Вернер. Греческая медицина как Пайдейя. Греческая медицина – часть системы воспитания // В. Йегер. Пайдейя: Воспитание античного грека. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1997. С. 13–47.

Оценка вызванных ими социальных последствий осуществляется в режиме цейтнота» [9, с. 4]. Следовательно, надо использовать какой-то иной, *оперативный* прием, ведущий к практическому решению проблемы более кратким путем.

«История культуры, – пишет один из философов, занимающийся духовно-антропологической проблематикой, – при всем ее многообразии и изменчивости свидетельствует о том, что в ней всегда сознательно или бессознательно определялась мера человеческого в человеке, переход за которую грозил самоуничтожением» [2, с. 6]. Принимая данное положение, обратимся к обозначенному синтезирующему антропологическому концепту. Как представляется, он должен отвечать, как минимум, трем условиям: во-первых, обладать регулятивным характером в отношении воздействующих на человека факторов (в частности, биомедицинских); во-вторых, поддерживать установку на сохранение целостности человека в совокупности его биологически унаследованных и социокультурно обусловленных качеств; в-третьих, содержать в себе некий четкий, наглядно определяемый критерий, способный выступать в качестве норматива, поддерживающего эту целостность в виде «антропологической границы». Именно третье условие, конкретизируемое как «мера человеческого в человеке», выглядит наиболее важным, поскольку при его концептуализации реализуются и два первых.

Постчеловек или человек?

При подобном подходе возникает необходимость определить, *что есть человек?* Это, риторический, вечный вопрос, отвечать на который принято, как правило, посредством перечисления тех характеристик, которые в том или ином случае считаются самыми важными, как это, например, делают авторы, акцентирующие социальные стороны «человеческого в человеке»: «Человек – биосоциальное существо (представитель вида *homo sapiens*), генетически связанное с др. формами жизни, выделившееся из них благодаря способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью, мышлением и сознанием, нравственно-этическими качествами»⁸. Другие авторы, ориентированные на биологическое прочтение человеческой сущности, выводят ее из «гоминидной триады», элементами которой «являются прямохождение (ортоградность), своеобразие верхней конечности, приспособленной к тонкому манипулированию, и развитый головной мозг» [5, с. 71]. Возможны иные версии. В конечном счете, набор выделяемых признаков может наращиваться до бесконечности, причем исключение какого-то од-

ного из них не лишает значимости все остальные.

Между тем, сама современная ситуация и обозначаемые ею перспективы, включая учет намерений сторонников трансгуманизма, позволяет сформировать иной подход, который можно обозначить как *биорефлексивный*, способствующий выработке нормативов разумного, взвешенного, подлинно гуманного внедрения достижений биомедицины в профессиональную медицинскую практику и социальную жизнь в целом.

Обратимся снова к понятию «антропологической границы». С. С. Хоружий, автор этого термина, рассматривает человека как существо, способное «размыкать» рамки исходно данных условий и выходить «навстречу миру», тем самым преобразуя самого себя. Возможны три варианта «размыкания»: *онтологический, онтический и виртуальный*. *Онтологическое* размыкание предполагает чисто духовные практики, тогда как *онтическое*, включающее в себя воздействие на бессознательное, и виртуальное, связанное с использованием практик психологической виртуализации, носят психосоматический характер и предполагают воздействие на телесность. Именно эти два варианта ведут к выходу за пределы «антропологической границы», который, если он происходит, создает *постчеловека*, который являет собой либо киборга (человек + техника), либо мутанта (генетически измененный человек), либо клон (повторение как утеря индивидуальности) [14, с. 777–782].

Эти введенные Хоружим теоретические параметры показывают, что *постчеловек* находится *по ту сторону* «антропологической границы», обозначая собой *то, что не есть человек*, тогда как собственно человек располагается *по эту сторону*, и его сущность в смысле определения того, *что есть человек*, может быть установлена через противопоставление *постчеловеку*.

В чем же заключается сущность *постчеловеческого* феномена?

Прежде всего, это то, что *располагается за* «антропологической границей».

Это то, что *не является целым* в смысле единства тела и духа, организма и сознания (по этой причине трансгуманисты, намеренные средствами биомедицины создавать *постчеловека*, сводят и его, и человека к сознанию, точнее, к интеллекту, в пределе искусственному).

Таким образом, это *нецелое* становится таковым либо при полном *исключении биологической составляющей* из моделируемого образа, либо при такой трансформации организма человека по техническому образцу, которая в сущности означает то же самое исключение.

⁸ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд, перераб и доп. М.: Республика, 2001.

Выходит, что создание *постчеловека* предполагает полное отбрасывание природно-биологической составляющей человеческого естества, а именно фактора телесности, реализующего эволюционную устойчивость биологического организма исторических поколений людей и реализующегося посредством *морфологической неизменности* представителей рода человек. В таком случае именно этот фактор и надо принять за искомый критерий антропологической нормативности, определяющей специфику существования людей в мире естественно данной им природы и искусственно создаваемой ими культуры: если эволюция в биосфере происходит в форме возникновения новых, морфологически специфичных видов, то у человека в процессе исторической эволюции изменяется внешняя среда, преобразуемая средства-

ми техносферы, но сохраняется морфологическая неизменность.

Заключение

Морфологическая неизменность человека – это и есть тот нормативный антропологический параметр, который способен не только предотвратить реализацию проектов, моделируемых в рамках трансгуманизма, но и придать развитию всей создаваемой культурой искусственной среды, включая достижения биомедицины, осознанный и регулируемый, то есть *биорефлективный* характер. Этот вывод открывает перспективу выработки уже конкретных, практически значимых показателей тех антропологических нормативов современной биомедицины, рассмотрению теоретико-методологических аспектов которых была посвящена данная работа.

Литература

1. Беляев И. А. Здоровье человека как целостного природно-социально-духовного существа // Вестник ОГУ. – 2014. – № 7. – С. 86–92.
2. Буева Л. П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 3–9.
3. Гвардини Р. Конец Нового времени // Феномен человека: Антология / Сост., вступ. ст. П. С. Гуревича. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 240–296.
4. Жирнов В. Д. Здоровье – атрибут антропности / В. Д. Жирнов // Философия здоровья. – М.: ИФ РАН, 2001. – С. 129–145.
5. Карсаевская Т. В. Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития современного человека / Т. В. Карсаевская. – М.: Медицина, 1978. – 247 с.
6. Крусс И. П. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.
7. Кутырев В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). – СПб.: Алетейя, 2018. – 526 с.
8. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 42. – М.: Политиздат, 1974. – 536 с.
9. Попова О. В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография / О. В. Попова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – 336 с.
10. Рыбин В. А. Медицина как парадигма философского знания / Наука о жизни и современная философия: ответ. ред. И.К. Лисеев. М.: «Канон + » РООИ «Реабилитация» (РАН, Институт философии РАН), 2010. – С. 395–445.
11. Рыбин В. А. Трансгуманизм // Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь / ред. В. С. Невелева, Д. В. Соломко. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020 – С. 78–82.
12. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции; Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: ООО «Издательство» АСТ, 2004. – 349 с.
13. Хоружий С. С. Фонарь Диогена: Критическая ретроспектива европейской антропологии / С. С. Хоружий. – Москва : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. – 688 с.
14. Хоружий С. С. Трансформативная антропология глазами синергичной антропологии (к проблеме постчеловека) // Фонарь Диогена / Отв. ред. С. С. Хоружий. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 767–785.
15. Юдин Б. Г. На пути к трансчеловеку // Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей. К 70-летию Б. Г. Юдина / Отв. ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. – С. 341–351.
16. New directions. The ethics of synthetic biology and emerging technologies: Presidential commission for the study of bioethical issues. (2010) Wash., DC., December. 180 p. (In Eng.).
17. Raman S., Tutton R. (2010) Life, science and biopower. In: Science, technology, & human values. Vol. 35, № 5, pp. 711–734, <https://doi.org/10.1177/0162243909345838>. (In Eng.).
18. Rose N. (2006) The politics of life itself: Biomedicine, power and subjectivity in the twenty-first century. Princeton: Princeton univ. press. 368 p. (In Eng.).

References

1. Belyaev, I. A. (2014) [Human health as an integral natural-socio-spiritual being]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 7, pp. 86–92. (In Russ.).
2. Bueva, L. P. (1996) [Spirituality and problems of moral culture]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 2, pp. 3–9. (In Russ.).
3. Guardini, R. (1993) *Fenomen cheloveka: Antologiya* [The Phenomenon of Man: An Anthology]. Moscow: Higher school, pp. 240–296.
4. Zhirnov, V. D. (2001) [Health is an attribute of anthropicity]. *Filosofiya zdorov'ya* [Philosophy of health]. Moscow: IF RAN, pp. 129–145. (In Russ.).
5. Karsaevskaya, T. V. (1978) *Progress obshchestva i problemy celostnogo biosocial'nogo razvitiya sovremennogo cheloveka* [Progress of society and problems of integral biosocial development of modern man]. Moscow: Medicine, 247 p.
6. Kruss, I. P. (2000) [Personal (“somatic”) human rights in the constitutional and philosophical-legal dimension: to the formulation of the problem]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. Vol. 10, pp. 43–50. (In Russ.).
7. Kutyrev, V. A. (2018) *Sova Minervy vyletaet v sumerki (Izbrannye filosofskie teksty XXI veka)* [The Owl of Minerva Flies at Dusk (Selected Philosophical Texts of the 21st Century)]. St. Petersburg: Aletejya, 526 p.
8. Marx, K. (1974) [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 42. Moscow: Politizdat, 536 p. (In Russ.).
9. Popova, O. V. (2021) *Telo kak territoriya tekhnologij: ot social'noj inzhenerii k etike biotekhnologicheskogo konstruirovaniya: monografiya* [The body as a territory of technology: from social engineering to the ethics of biotechnological design: monograph]. Moscow: Kanon + ROOI “Reabilitaciya”, 336 p.
10. Rybin, V. A. (2010) [Medicine as a paradigm of philosophical knowledge]. *Nauka o zhizni i sovremennaya filosofiya* [Life science and modern philosophy]. Moscow: “Kanon +” ROOOI “Reabilitaciya” (RAN, Institute of philosophy RAN), pp. 395–445. (In Russ.).
11. Rybin, V. A. (2020) [Transhumanism]. *Ekologiya chelovecheskogo bytiya: informacionno-vvodnyj slovar'* [Ecology of human existence: information and introductory dictionary]. Chelyabinsk: Ed. center of SUSU, pp. 78–82. (In Russ.).
12. Fukuyama, F. (2004) *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii* [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnological Revolution]. Transl. from English M. B. Levin. Moscow: OOO “Izdatel'stvo» AST, 349 p. (In Russ.).
13. Khoruzhy, S. S. (2010) *Fonar' Diogena: Kriticheskaya retrospektiva evropejskoj antropologii* [The Lantern of Diogenes: A Critical Retrospective of European Anthropology]. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History, 688 p. (In Russ.).
14. Khoruzhy, S. S. (2010) [Transformative anthropology through the eyes of synergetic anthropology (on the problem of the posthuman)]. *Fonar' Diogena* [Lantern of Diogenes]. Moscow: Progress-Tradition, pp. 767–785. (In Russ.).
15. Yudin, B. G. (2014) [On the way to a transhuman]. *Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya: sbornik statej. K 70-letiyu B.G. Yudina* [Humanitarian guidelines for scientific knowledge: a collection of articles to the 70th anniversary of B.G. Yudin]. Moscow: Publish.house «Navigator», pp. 341–351. (In Russ.).
16. New directions. The ethics of synthetic biology and emerging technologies: Presidential commission for the study of bioethical issues. (2010) *Wash., DC., December*, 180 p. (In Eng.).
17. Raman, S., Tutton, R. (2010) Life, science and biopower. *Science, technology, & human values*. Vol. 35, No. 5, pp. 711–734, <https://doi.org/10.1177/0162243909345838>. (In Eng.).
18. Rose, N. (2006) *The politics of life itself: Biomedicine, power and subjectivity in the twenty-first century*. Princeton: Princeton univ. press, 368 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Анастасия Анатольевна Кожуховская, аспирант, направление подготовки 47.06.01 Философия, этика и религиоведение, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
e-mail: VolkovaT-soc@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25.07.2022; принята в печать: 23.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Anastasia Anatolyevna Kozhukhovskaya, postgraduate student, training program 47.06.01 Philosophy,

ethics and religious studies, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
e-mail: VolkovaT-soc@mail.ru

The paper was submitted: 25.07.2022.

Accepted for publication: 23.09.2022.

The author has read and approved the final manuscript.